

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI 10.17223/18137083/96/16

Концепт *ЗАКОН*: комплексное описание

Людмила Ивановна Горбунова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

ludgorbunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0854-1891>

Аннотация

Исследуется концепт *ЗАКОН* с использованием традиционных методов концептуального анализа. Комплексность описания достигается выявлением понятийно-логической, образной и аксиологической составляющих концепта. Установлен главный понятийно-логический элемент концепта – правило, исходящее от государства и людей, задающее границы дозволенного. Описан основной образный компонент – образ существа, полно представленный с точки зрения ментальной, эмоционально-волевой сфер, социального статуса, имеющий ярко выраженные речевые характеристики. Антропоморфность образа позволяет говорить о включенности *закона* в личную сферу говорящего, при этом закону приписываются как положительные, так и как отрицательные качества. В аксиологической составляющей *закон* понимается как безусловная ценность, взаимоотношения которой с человеком концептуализируются как амбивалентные. Представлена критика точки зрения на содержание концепта как свидетельство правового нигилизма, характерного для менталитета русского человека.

Ключевые слова

концепт *ЗАКОН*, русский язык, методика концептуального анализа, понятийно-логический компонент концепта, аксиологический компонент концепта, образный компонент концепта

Для цитирования

Горбунова Л. И. Концепт *ЗАКОН*: комплексное описание // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 218–228. DOI 10.17223/18137083/96/16

© Горбунова Л. И., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 218–228

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 218–228

The concept of LAW: a comprehensive description

Lyudmila I. Gorbunova

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

ludgorbunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0854-1891>

Abstract

This paper addresses two primary objectives. First, it provides a comprehensive description of the concept of LAW, a vital element of the Russian conceptual sphere verbalized by a diverse and highly frequent array of linguistic units. A multidimensional analysis is crucial due to the prevalent ambiguity surrounding this intricate concept among native speakers and researchers. Second, the study aims to refine the methodology of conceptual analysis. To guarantee verifiable findings, the research integrates a quantitative methodology with semantic analysis of dictionary entries and contexts derived from the Russian National Corpus. The conceptual-logical component of LAW encompasses: “a rule governing a specific sphere of socio-political relations,” “the codification of the rule in legislative documents,” and “the necessity of compliance.” Conversely, the notion of “punishment for violation” emerges only as a peripheral element. Spatially, the law is conceptualized as a physical object or boundary, not an insurmountable obstacle. The act of operating within legal parameters receives positive assessment, with its existence deemed necessary and beneficial and its absence associated with highly reprehensible phenomena. The primary figurative component anthropomorphizes the law as a sentient being, fully developed in terms of mental, emotional, volitional, and speech characteristics, alongside a defined social status. Consequently, it is conceptualized ambivalently: it establishes rules, protects, and patronizes, yet also restricts, dictates, and punishes. Axiologically, the law is recognized as an absolute value, notwithstanding its ambivalent position on the value scale. Ultimately, the paper challenges the assumption that native Russian speakers interpret the law strictly negatively.

Keywords

the concept of “law”, Russian language, methodology of conceptual analysis, logical component of the concept, axiological component of the concept, figurative component of the concept

For citation

Gorbunova L. I. Kontsept ZAKON: kompleksnoe opisaniye [Concept LAW: a comprehensive description]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 3, pp. 218–228. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/16

Чрезвычайная популярность в первое десятилетие XXI в. идеи о тесной связи языка и менталитета обусловила появление в русистике труднообозримого количества работ, в которых эта идея разрабатывалась в рамках двух направлений – изучения русской языковой картины мира и концептологии. В результате сформировалось несколько устойчивых положений о русской языковой картине мира и концептосфере, одним из которых является наличие ключевых смысловых оппозиций, характеризующих русский менталитет: «высокое – низкое (быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие, счастье)» [Зализняк и др., 2005, с. 11], а также особый статус идеи справедливости. При этом подчеркивается, что последняя противопоставлена представлению

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3

о законе¹. Этот вывод тиражируется из работы в работу, однако обоснованным его трудно назвать по целому ряду причин.

Первая касается самой методики исследования. В указанной работе авторы, обсуждая основной исследовательский принцип когнитивной семантики, совершенно справедливо утверждают, что «из русской пословицы *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о месте любви в русской языковой картине мира, а лишь о том, что козел предстает в ней как малосимпатичное существо» [Зализняк и др., 2005, с. 9]. Это фактически означает, что для выявления когнитивного содержания некоторой единицы необходимо рассмотреть, как она функционирует в языке, т. е. только после анализа значений и особенностей употребления слова исследователь переходит к когнитивной интерпретации полученной информации. Подобный подход реализуется этими авторами, например, при рассмотрении информации, передаваемой словом *заодно* [Там же, с. 346–347]. Однако, рассуждая о законе, авторы опираются не на семантический анализ с привлечением широкого языкового материала, а на анализ содержания высказываний, в которых говорящий рассуждает о том, как он понимает законность. Фактически это и есть результат, от которого авторы предостерегают, говоря, что из пословицы *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать вывод о понимании любви.

Увлечательность идеи об особенностях (даже особливости) русского менталитета, его уникальности наряду с новизной выводов, представленных в данной работе и целом ряде других работ, создали ситуацию, когда, во-первых, анализ отдельных высказываний отдельных личностей без опоры на семантический анализ, анализ дериватов и другого языкового материала стал допустимым и широко используемым способом выявления концептуального содержания, стоящего за словами русского языка, а далее и черт русского менталитета. Во-вторых, мысль о том, что ключевой ценностью в России является не закон, а справедливость, противопоставление закона и справедливости, где закон относится к безусловно негативным сущностям, стала широко тиражируемой, принимаемой априори и даже априори задающей ракурс отбора и интерпретации языкового материала.

Так, например, анализируя только пословицы, И. В. Андреева приходит к выводу, что «в глазах русских закон всегда скомпрометирован, и поэтому для русских справедливость ставится выше закона. В этой связи становится понятной пословица *Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло*. Как известно, именно пословицы выражают общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт в виде иносказания и отражают исторически сложившуюся ментальность каждого народа. Россияне относятся к законам без уважения, игнорируют их, особенно если считают их или неразумными, или ущемляющими их свободу» [Андреева, 2007, с. 13]. Однако автором не берутся в расчет пословицы, в которых говорится о важности законов, их регулирующей функции и т. п. (см., например, [Даль, 2011]). Кроме того, в приведенной пословице говорится о возможности по-разному трактовать закон, но нет отсылки к справедливости и отсутствию уважения к закону, и тем более речи не идет об ущемлении свободы.

Вторая причина, по которой вывод об отрицательном отношении русского человека к закону представляется необоснованным, кроется в том, что *ЗАКОН* как

¹ Следует отметить, что, напротив, в [Колесов и др., 2014] указывается, что объективная справедливость является существенным признаком концепта *ЗАКОН*.

фрагмент русской языковой картины мира или элемент концептосферы не получил подробного, комплексного описания. В литературе широко представлены работы, в которых сопоставляется представление о законе русского человека и носителей других языков. Например, в [Антология концептов, 2005] концепт *ЗАКОН* рассматривается через сопоставление русской и английской лингвокультур. При этом в подавляющем большинстве таких работ акцент сделан на анализе материала других языков, а часть, посвященная русскому языку и русскому менталитету, воспроизводится либо только с опорой на другие источники, чаще всего именно такие, где закон противопоставлен справедливости (например, [Зализняк и др., 2005; Воркачев, 2009]), либо в сочетании с анализом единичных текстов, в которых автор рассуждает о том, как он понимает закон, что, как мы уже показали, методологически неоправданно (ср. [Андреева, 2007; Петренко, Урюпина, 2018]).

Исследования, посвященные русскому концепту *ЗАКОН*, единичны и, как правило, сделаны на ограниченном языковом материале [Никаева, Сизых, 2020; Беглова, 2021]. Такого рода анализ не позволяет с уверенностью судить о достоверности результатов, так как некоторые черты языковой картины мира, не будучи зафиксированными в одной группе языковых единиц, могут отражаться другим языковым материалом.

На этом фоне выделяются как методологически выверенные статьи [Волков, 2014; Попова, 2021], в которых авторы избегают прямолинейных интерпретаций и на основе количественного и качественного анализа языкового материала в диахронном аспекте делают выводы о становлении и развитии представлений о законе в русском правосознании: «В древнерусский период концепт *ЗАКОН* не является антиценностью» [Попова, 2021, с. 131], «спецификой русского правосознания исторически считается не правовой нигилизм, а синкретичный характер представления о правовой норме и праве в целом» [Там же].

Таким образом, актуальность комплексного описания концепта *ЗАКОН* обусловлена, во-первых, его значимым местом в русской концептосфере. Будучи широко вербализованным в русском языке, что подтверждает его востребованность и важность для языкового коллектива, являясь сложным по содержанию, включенным в разнообразные смысловые ряды и оппозиции, концепт при этом неоднозначно интерпретируется как носителями языка, так и исследователями в лингвистической литературе. Во-вторых, можно отметить и социальный аспект актуальности изучения концепта *ЗАКОН*, поскольку доказательство неправомерности представлений об исконном правовом нигилизме русского человека может способствовать формированию уважения к нормам современного права, отказу от оправдания нарушений закона.

Поскольку концепт представляет собой единицу национального сознания и моделируется средствами языка, то в качестве основного исследовательского приема в статье используется семантический анализ с опорой на количественные данные о лексических единицах и их употреблении, предоставляемые Национальным корпусом русского языка² (далее – НКРЯ). Для анализа содержания концепта были использованы словарные дефиниции из «Активного словаря русского языка» [2017] (далее – АСРЯ), «Словаря русского языка» [1999] (далее – МАС), «Словообразовательного словаря русского языка» [Тихонов, 2003], мате-

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.01.2026).

риалы В. И. Даля [2011], а также контексты из основного подкорпуса НКРЯ со словом *закон* только в значениях, связанных с функционированием государства, поскольку слово именно в этих значениях номинирует изучаемый концепт. Была произведена сплошная выборка из всех представленных в НКРЯ текстов различной жанровой и стилистической принадлежности, так как данный подход позволяет осуществить принятый в методике концептуального анализа прием – анализ текстов в разных типах дискурса, т. е. максимально полно охватить весь объем лингвистического материала, вербализующего концепт, что обеспечивает валидность результатов.

В АСРЯ интересующих нас значений два: 1) 1.1 ‘**Официальный документ**, принятый специальным органом государственной власти или главой государства в момент времени А3, обладающий высшей правовой силой и регулирующий сферу А2 или отдельную область А2 внутри какой-л. сферы общественно-политических отношений в обществе А1 при помощи правил, за нарушение которых предусмотрено наказание, или **сами эти правила**’; и 2) 1.2. ‘Совокупность законов 1.1, являющаяся юридической основой государства А1’³.

Как видим, в толковании 1.1. обозначены две разные сущности – правило и документ, в котором правило зафиксировано. Такое отождествление выглядит по меньшей мере неоправданно в силу существенного различия денотатов, обозначаемых в выделенных нами частях дефиниции. Более того, в МАС первое и единственное значение, отсылающее к регулированию жизни общества, вообще указывает только на документ, не определяя закон как правило: ‘нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой’. Неоправданность такой позиции словаря и несоответствие дефиниции понятийному ядру концепта отмечено в [Степанов, 2004, с. 597–598].

Анализ приведенных словарных дефиниций позволяет сделать вывод о том, что в словарях не разграничиваются значения ‘правила’ и ‘документ, в котором зафиксированы правила’. Примеры, приведенные в толкованиях, также свидетельствуют о синкретичном понимании авторами АСРЯ слова *закон* 1.1. В примерах *следить за тем, чтобы соблюдались законы; нарушить закон* слово *закон* использовано в значении ‘правило’, а в примере *Закон о защите прав потребителей* слово *закон* может пониматься и как законодательный акт, документ, и как нормы, регулирующие соответствующую сферу.

То же можно сказать об иллюстративном материале, приведенном в МАС. Примеры *А что такое закон? Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть; Действовать по закону* иллюстрируют понимание закона как правила, а примеры *Закон об охране общественной собственности; Кодекс законов о труде* могут быть поняты и как ‘документы’, и как ‘правила’.

При этом при анализе многозначности слова *закон* обращает на себя внимание тот факт, что все производные значения эксплицируют связь закона с правилами, установленными людьми или объективно существующими: 2. Строгое, непреклонное предписание, веление. 3. Общепринятое правило, обычай. 4. *обычно мн. ч.* (зако́ны, -ов). Основные положения в каком-л. деле, обусловленные его сущностью. 5. Объективно существующая необходимая связь между явлениями, внутренняя существенная связь между причиной и следствием. 6. *Устар.* Религиозное

³ Значение 1.2. полностью отсылает к 1.1, поэтому анализируется только значение 1.1.

учение, религия (МАС); 1.3 неофициальное правило, регулирующее поведение людей внутри какого-л. сообщества; 1.4. желание или приказ, обязательные для исполнения; 2. система религиозных взглядов и обрядов; 3. правила, регулирующие какую-л. деятельность; 4. объективно существующие в мире связи между явлениями, 5. законы природы (АСРЯ). Данный факт говорит о доминировании компонента 'правило' в значении слова *закон*. При этом очевидно, что документ – это экспликация правила, причем не обязательная для всякого закона, именно правило в оппозиции «документ – правило» является доминирующим.

Итак, главным компонентом в понятийной составляющей концепта *ЗАКОН* следует признать 'правило'. Закрепленность правила в законодательных актах, документах – это характеристика закона-правила, которая также входит в понятийную составляющую концепта *ЗАКОН*.

Из анализа контекстов, словарных дефиниций и данных НКРЯ следует, что важнейшим компонентом понятийной составляющей является представление о том, что закон необходимо соблюдать (*соблюдать закон* IPМ 0,69, *следовать закону* IPМ 1,07; *обязательный закон* частота коллокации 300), *Все законы писать, когда их не исполнять. Незнанием закона никто не отговаривайся!* [Даль, 2011]. Необходимость следовать закону подразумевает и возможность нарушения, что отмечено крайне частотным языковым материалом (*нарушать закон* IPМ 1,63; коллокация *нарушение закона* четвертая по частотности с частотой 1 262, плюс коллокации *нарушать закон* – двадцатая с частотностью 792, *нарушит закон* с частотностью 562). В языке имеются и номинации человека, соблюдающего законы или следящего за их соблюдением (*законник, законница*).

Показательным является то, что отмеченное в дефиниции АСРЯ обязательное наказание за несоблюдение закона не относится к центральным понятийным признакам концепта, что доказывается тем, что из 100 первых коллокаций с существительным *закон* нет ни одной, которая бы отправляла к понятию «наказание». Среди контекстов НКРЯ встретилось всего 26 сочетаний слов *закон* и *преследование* и 2 *закон* и *преследовать*, 40 *наказать* и *преступник*, 135 *наказание* и *преступник*, 21 *наказать* и *преступление*, что также говорит о периферийности представления о наказании за нарушение закона.

Закон концептуализируется средствами русского языка как физический объект, предел, за которым находится еще что-то [Степанов, 2004, с. 591–592]⁴, который не является непреодолимым препятствием на пути (*обойти закон, в обход закона; преступник; Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы*). При этом человек и общество в норме находятся внутри закона, который задает границы возможностей и определяет поведение общества и человека, действия *в рамках закона* оцениваются как положительные. А положение *вне закона* означает 'вне охраны и покровительства законов', что является очень заметным (504 примеров в НКРЯ) и, несомненно, оценивается по меньшей мере как отклонение от нормы. Оказаться вне закона – значит оказаться в очень затруднительном положении:

Так он отказывается от всех человеческих установлений, ставит себя вне закона, полагаясь отныне только на себя (Э. Г. Казакевич);

⁴ Языковой материал не дает оснований утверждать, что «в русском языковом сознании закон выступает как предел, ограничитель свободы» (подчеркивание наше. – Л. Г.) [Андреева, 2007, с. 7].

Теперь ты остался один, никем не прикрытый и ничем не оправданный. В чистом поле, вне закона. Один на один с тем фактом, что тебя – нет (О. А. Славникова);

Конечно, этот срок для нас вполне комфортен, потому что мы вообще опасались, что с первого января окажемся вне закона и любая проверка нас сможет закрыть (Николай Проценко).

Отсутствие закона также особо маркировано в русском языке. Пословица гласит: *Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать*. Беззаконие трактуется как ‘отсутствие или нарушение законности’. Таким образом, словарная дефиниция приравнивает отсутствие закона и его нарушение, что одинаково плохо. Беззаконие как нечто скверное, противостоящее закону отмечено в [Степанов, 2004, с. 598]. Среди первых 50 коллокатов к *беззаконие* нет ни одного слова, которое бы называло положительное явление. При этом первым коллокатом является *произвол* с совместной частотой 71, *насилие* (33), *творится* (22), *неправда* (20), *жестокость* (15), *бесправие* (9), а также *вопиющий, репрессии, бесчинство, несправедливость, беспорядок, притеснение, лицемерие, разгул, грех, злодейство, безобразие, разврат, порок*. Среди коллокатов есть слова, называющие значимые, имеющие совершенно определенную аксиологию действия по отношению к беззаконию: *обличать, возненавидеть, очистить*.

Таким образом, закон должен быть, наличие закона расценивается как необходимое и положительное⁵, а его отсутствие связывается с самыми порицаемыми явлениями.

Закон исходит от человека или группы людей. Значимость этого аспекта закона отражена в наличии специальной номинации *законодатель*, т. е. тот, кто, создав закон, имеет право и возможность *дать* ‘предоставить в чье-л. распоряжение, пользование’ (МАС): законы создаются для того, чтобы ими пользовались, как нечто полезное. Причем создание законов называется *законотворчеством*, что отсылает к процессу духовному (*творчество* ‘деятельность человека, направленная на создание культурных или материальных ценностей’ (МАС)) и относит законотворчество к положительной зоне аксиологической шкалы.

Образ закона, отраженный в русском языке, антропоморфен. Закон представляется человеком, стоящим над обществом и разными способами управляющим им. При этом образ почти лишен телесных свойств. В НКРЯ найдено всего 14 примеров, в которых представлена метафора *лицо закона. Родиться и рождение* эксплицируют витальные признаки, при этом нет ни одного примера сочетания с глаголами умирания.

Закон охарактеризован также с точки зрения его социального статуса: у него есть свои *представители, проводники, ревнители и исполнители*. Он занимает высокое подчиняющее положение в обществе, имея *слуг и служителей*. При этом слушаться закона – быть *законопослушным* – является положительной нормой: коллокатами-прилагательными к *законопослушный* являются *честный, добропорядочный, лояльный, мирный*. Слов, которые бы указывали на порицаемость данного качества *налогоплательщика, гражданина, обывателя*, среди коллокатов не обнаружено. Лексическое значение производящего глагола *слушаться* ‘подчиняться чьим-л. распоряжениям, следовать чьим-л. советам; повиноваться’ отсылает к этической норме, которая диктует послушание старшему или тому, кто

⁵ В работе [Колесов и др., 2014] как концептуальные признаки закона отмечаются обязательность, объективная справедливость, внешняя регуляция.

признан значимым, безусловно стоящим выше в социальной иерархии (среди коллокатов к *слушаться* слова *маму, мать, отца, мужа, взрослых, врачей, бабушку, дедушку, церковь, учителей, брата, старика, надзирателей, начальников*). Но социальное положение закона не безусловно доминирующее, он и сам служит как людям, так и другим, весьма разным с точки зрения места в системе ценностей, проявлениям общественной жизни (*идеологии, воспитанию, воплощению добра, ширмой для обогащения, гарантией справедливости*).

Наряду с этим закон разнообразно охарактеризован как существо, владеющее речью: он *говорит, звучит*, его речь может быть эмоциональной (*требует, вопиет*) и соотноситься с ситуациями высокой степени эмоциональной напряженности, торжественности за счет использования глаголов с эмоционально-экспрессивным компонентом (*гласит* книжн., *вопиет* высок.), маркирующих ситуацию как оцениваемую положительно.

Регулирующая функция закона отражается в метафорах ментальных действий: *считает, (не) предусматривает, предполагает, судит, цель, указание*.

Глаголы физического действия и слова эмоционально-волевой сферы являются одними из самых частотных коллокатов слова *закон*, что позволяет сделать вывод о концептуализации закона как деятельного существа, открыто выражающего свои чувства и устремления, внутренние побуждения, способность поступать по своему усмотрению. Все подобные коллокаты отчетливо делятся на три группы. Первая характеризует деятельность и эмоции закона как устанавливающие, констатирующие: *касается, смотрит, рассматривает, видит, устанавливает, закрепляет, действует*. Это может быть констатация наличия или отсутствия чего-либо, поэтому почти все указанные глаголы встречаются и с частицей *не*: *не устанавливает, не закрепляет* и т. п. Вторая группа эксплицирует охранительную, покровительствующую сторону закона: *защищает, дарует, дает (предоставляет) право, разрешает, охраняет, смягчает, не обязывает*. Третья группа представляет ограничивающую, предписывающую, карающую функцию: *диктатура, власть, властвовать, подчиняет, обязывает, велит, свирепствует, требует, урезает, опутывает, связывает, навязывает, казнит, ущемляет, отбирает*.

Такая же неоднозначность в концептуализации закона как личности обнаруживается при анализе коллокатов-прилагательных, называющих качества человека. Он 'одаренный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом' (*мудрый, разумный*), но может быть и *дурным, бестолковым, непредусмотрительным*. Противопоставляются также законы *справедливые, праведные, нормальные* и *несправедливые*; *Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*. И только по отношению к человеку он концептуализируется почти однозначно, он скорее *жестоким, неумолимым, непреклонным, строгим, суровым*, а также *твердым и жестким* и крайне редко *отеческим* (19 примеров из текстов только XIX в.), *мягким* (2 примера). Это доминирование и жесткость закона по отношению к человеку усиливаются наличием сочетаний *сила* и *мощь закона*.

Реализованность всех сторон закона эксплицируется в сочетаниях *закон торжествует, торжество закона*. Соответствие закону соотносится с позитивными явлениями, так как выражается через сочетание со словом *дух* (*в духе закона, соответствовать духу закона*), чрезвычайно аксиологически нагруженным в русской языковой картине мира.

Итак, концепт **ЗАКОН** является важным и востребованным элементом русской концептосферы, вербализованным в лексическом и паремиологическом фонде

русского языка. Понятийно-логическая составляющая концепта включает в качестве главного элемента компонент 'правило', исходящее от государства и людей, которое задает границы дозволенного и которому должны подчиняться общество и отдельный человек. При этом возможность соблюдать законы обеспечивает упорядоченный характер жизни человека. Необходимость же соблюдать закон концептуализируется двояко: как рамки, в которых человек защищен (осознанность ограничений со стороны закона), а также как диктат, довлеющий над человеком (негативные чувства, связанные с доминацией закона, ситуативное неприятие).

Образная составляющая концепта хорошо сформирована, в ее структуре основным является антропоморфный образ существа, полно представленного с точки зрения ментальной, эмоционально-волевой сфер, социального статуса, а также имеющего ярко выраженные речевые характеристики. Антропоморфность образа позволяет говорить о включенности закона в личную сферу говорящего.

В аксиологической составляющей закон понимается как безусловная ценность. При этом как соблюдение закона, так и его нарушение не трактуется однозначно: впечатления от взаимодействия с законом, отношение к нему скорее ситуативное, неоднозначно амбивалентное.

Список литературы

Активный словарь русского языка. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 3: Д–З. 768 с.

Андреева И. В. Концепты «свобода», «справедливость», «закон», «родина» в картине мира русских и американцев // Вопросы культурологии, 2007. № 4. С. 11–14.

Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.

Беглова Е. И. Фразеологические единицы в антиномии «закон – преступление» в русской языковой картине мира // Вестник Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2021. № 1 (91). С. 158–165.

Волков В. В. Лексема «закон» и концепт «закон» в русской языковой картине мира // Язык и культура. 2014. № 11. С. 173–177.

Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: Монография. Волгоград, 2009. 190 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Азбука, 2011. 304 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: ЯСК, 2005. 540 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. СПб., 2014. Т. 1. 592 с.

Никаева Т. М., Сизых А. А. Система ассоциаций «закон» и «преступление» в языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 234–237.

Петренко Е. Е., Урюпина Г. П. Вербализация концептов «закон» и «человек» фразеологическими синонимами английского и русского языков // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 27 апреля 2018 г.). Омск, 2018. С. 181–185.

Попова Л. В. Правда – справедливость и закон в русской языковой картине мира: диахронический аспект // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2021. № 9 (455). С. 128–134.

Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ, 2003. Т. 1. 865 с.

References

Aktivnyy slovar' russkogo yazyka [Active dictionary of the Russian language]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, vol. 3: D–Z, 768 p.

Andreeva I. V. Kontsepty “svoboda”, “spravedlivost”, “zakon”, “rodina” v kartine mira russkikh i amerikantsev [The concepts of “freedom”, “justice”, “law”, and “home-land” in the worldviews of Russians and Americans]. *Voprosy kul'turologii*. 2007, no. 4, pp. 11–14.

Antologiya kontseptov [Anthology of concepts]. V. I. Karasik, I. A. Sternin (Eds.). Volgograd, Paradigma, 2005, vol. 1, 352 p.

Baydavletova L. R. Kontsept “pravda – spravedlivost” v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale frazeologii) [The concept of “truth-justice” in the Russian language (picture of the world based on phraseology)]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016, no. 3, pp. 92–98.

Beglova E. I. Frazeologicheskie edinitsey v antinomii “zakon – prestuplenie” v russkoy yazykovoy kartine mira [Phraseological units in the antinomy “law – crime” in the Russian linguistic picture of the world]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021, no. 1 (91), pp. 158–165.

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Azbuka, 2011, 304 p.

Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian mentality]. St. Petersburg, 2014, vol. 1, 592 p.

Nikaeva T. M., Sizykh A. A. Sistema assotsiatsiy “zakon” i “prestuplenie” v yazykovom soznanii studentov [The system of associations “law” and “crime” in the linguistic consciousness of students]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2020, vol. 13, no. 6, pp. 234–237.

Petrenko E. E., Uryupina G. P. Verbalizatsiya kontseptov “zakon” i “chelovek” frazeologicheskimi sinonimami angliyskogo i russkogo yazykov [Verbalization of the concepts “law” and “man” by phraseological synonyms of the English and Russian languages]. In *Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Omsk, 27 aprelya 2018 g.)* [Current problems of linguistics and methods of teaching foreign languages: Proceedings of the Intern. sci. and pract. conf. (Omsk, April 27, 2018)]. Omsk, 2018, pp. 181–185.

Popova L. V. Pravda – spravedlivost' i zakon v russkoy yazykovoy kartine mira: diakhronicheskiy aspekt [Truth, justice, and law in the Russian linguistic worldview: a diachronic aspect]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021, no. 9 (455), pp. 128–134.

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Russian language dictionary: in 4 vols.]. A. P. Evgen'yeva (Ed.). Moscow, Rus. yaz., Poligrafresursy, 1999.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004, 992 p.

Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow, AST, 2003, vol. 1, 865 p.

Volkov V. V. Leksema "zakon" i kontsept "zakon" v russkoy yazykovoy kartine mira [The lexeme law and the concept "law" in the Russian linguistic picture of the world]. *Language and Culture*. 2014, no. 11, pp. 173–177.

Vorkachev S. G. *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture* [Seek the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd, 2009, 190 p.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 540 p.

Информация об авторе

Людмила Ивановна Горбунова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
Scopus Author ID 57195809386

Information about the author

Lyudmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57195809386

*Статья поступила в редакцию 11.02.2026;
одобрена после рецензирования 31.03.2026; принята к публикации 31.03.2026
The article was submitted on 11.02.2026;
approved after reviewing on 31.03.2026; accepted for publication on 31.03.2026*